

10⁽⁴⁸⁾

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
БРАТСТВ

ИЮНЬ
2006

в газете использованы
материалы сайта www.sfi.ru

В ЧЕМ РЕАЛЬНОСТЬ ЦЕРКВИ?

Ко Дню рождения Церкви, который всегда празднуется на Троицу, мы публикуем материалы круглого стола, прошедшего в Санкт-Петербурге 2 марта 2006 г.

Юлия Валентиновна Балакишина, ведущая круглого стола, преподаватель Педагогического университета им. А.И. Герцена, кандидат филологических наук (Санкт-Петербург):

Тема нашего круглого стола взята из «Дневников» о. Александра Шмемана. В записи от 20 декабря 1974 года у него есть такая строчка «Но в чем же реальность Церкви?» Буквально на той же странице есть рассуждение, которое я сейчас прочту. В нем содержатся вопросы, которые мы собираемся сегодня обсуждать.

«Церковь живет не «церковью», не «религиозной редукцией» (организация, клерикализм и т.д.) и не «миром» (тут неизбежна identity (англ. идентичность — ред.) — национальная обычно, а если нет — то какая угодно: этническая, «духовная», иконная), а Царством. Она есть — таинство Царства. И вопрос только в том — с одной стороны: почему христиане это забыли и это «выдохлось», а с другой: можно ли к этому опыту вернуться».

Первый вопрос можно, наверное, поставить так: какие из проблем церковной жизни, названные в «Дневниках» о. Александром Шмеманом, представляются вам сейчас для церкви наиболее актуальными?

Проф.-прот. Георгий Митрофанов (Санкт-Петербург):

Чтобы не пересказывать Дневник, я позволю себе несколько цитат, в которых о. Александр достаточно четко по пунктам формулирует эти проблемы. Я не могу сказать, что согласен со всем этим реестром проблем, но, на мой взгляд, здесь есть, о чем подумать:

«Главная же трудность здесь в том, что трагизм и падение по-настоящему не в грехах людей (этого не отрицают...), а укоренен, гнездится в тех явлениях, которые принято считать, в которые принято верить, как именно в саму сущ-

Джотто ди Бондоне. Сшествие Св. Духа на апостолов.

ность Православия, его вечную ценность и истину. Это, во-первых, какое-то «бабье» благочестие, пропитанное «умилением» и «суеверием» и потому абсолютно непромокаемое никакой культуре. Стихийная сила этого благочестия, которым можно жить, как чем-то совершенно самодовлеющим, вне какого бы то ни было отношения ко Христу и к Евангелию, к миру, к жизни... Тут все слова «жижут», наполняются какой-то водою, перестают что-либо означать. Это «благочестие» и есть то, что вернуло христианству «языческое» измерение, ратствовало в религиозной чувственности.

Оно и Христа мерит собою, делает Его — символом самого себя... Это, во-вторых, гностический уклон самой веры, начавшийся уже у Отцов (приращение эллинизма) и расцветший в позднем богословии (западный интеллектуализм). Это, в-третьих, в этом благочестии и этом богословии укорененный дуализм, заменивший в церковном подходе к миру изначальный эсхатологизм. Это, в-четвертых, сдвиг Православия — национализму в его худшей языческой (кровной) и яковинской (государственно-авторитарной негативной) сущности.

(Продолжение на сс. 4-5)

ОБЩЕНИЕ СВЯТЫХ

Когда ты приходишь на богослужение в незнакомый храм — а может быть, и знакомый, но такой, где никто не здоровается друг с другом, никто не кивнет головой в знак приветствия, не поздравит с праздником — как пронзительно звучат в душе слова Символа веры, с каким внутренним напряжением повторяешь: «верую во святую, соборную...» И в этот момент без всяких сомнений кажется, что только там, где есть общинная жизнь, где люди соединились в братство, это напряжение уже разрешилось и боль одиночества исцелена.

Со временем приходит понимание: только в реальности Царствия вера станет видением и знанием, только там исцелится любая рана. Церковь — «уже, но еще не» Царство, она пронизана им, но не тождественна ему. И в общине, и в братстве мы снова и снова должны усилием веры проходить сквозь стены, пы-

тающиеся разделить нас друг друга. В этом усилие не помогут нам ни секулярная толерантность, уравнивающая правду и неправду, праведность и грех ради вежливой улыбки политкорректности, ни ветхозаветное, а то и языческое упование на общие национально-культурные корни. Не помогут ни душевные симпатии, ни бесконечное выяснение отношений. Не станет здесь гарантий ни общее дело, ни те или иные договоренности о согласованности усилий.

Где же выход? Неужели нет пути, на котором можно было бы сказать себе: ну вот, теперь мы вместе навсегда, и впереди у нас вечность?

Этот вопрос мы пытаемся задать и друг другу, и Богу. Но на него невозможно получить ответ до тех пор, пока не задашь его себе.

Иван ПЕТРОВ

В номере:

— Объединение РПЦ и РПЦЗ — дело ближайших 2-3 лет

— Древнейшая рукопись Библии на немецком языке обнаружена в университете Лейпцига

— Презентация книги проповедей протопресвитера Виталия Борового прошла в Москве

Об этих и других новостях общественной и церковной жизни «Кифа» рассказывает на сс. 2-3

Итоговый документ конференции «Церковное искусство, его восприятие и преподавание»

Мы продолжаем начатый в прошлом номере «Кифы» рассказ о конференции, организованной Свято-Филаретовским институтом, Институтом художественного образования РАО и музеем им. Андрея Рублева

С. 6

В поисках утраченного единства

В своем интервью один из участников конференции, кандидат искусствоведения, преподаватель МГУ А.Л.Расторгуев размышляет об особенностях гуманитарного знания

Сс. 6-7

Общественное сознание и Пушкин

Это выступление о. Александра Шмемана на радиостанции «Свобода» мы публикуем к дню рождения поэта

С. 8

В «Миссионерском обозрении»

читайте подборку новостей и статью о восстановлении разрушенных православных храмов в сегодняшнем Израиле

РПЦЗ ВЫРАЖАЕТ ГОТОВНОСТЬ В САМЫЙ КОРОТКИЙ СРОК РАЗРЕШИТЬ ПРОБЛЕМЫ НА ПУТИ К ВОССОЕДИНЕНИЮ С РПЦ И ОБЕЩАЕТ НЕ ПРЕДЪЯВЛЯТЬ НОВЫХ ПРЕТЕНЗИЙ

Архиерейский Собор Русской православной церкви за границей (РПЦЗ), завершивший свою работу 19 мая в Сан-Франциско, выразил готовность в самое короткое время разрешить спорные вопросы с Московским патриархатом для полного воссоединения. По мнению архиепископа Берлинско-Германского и Великобританского Марка (РПЦЗ) это может произойти до следующего архиерейского собора, т.е. в течение ближайших 2-3 лет.

«С Божией помощью достигнуто общее согласие поэтапного развития канонического и евхаристического общения между разрозненными частями единой Русской церкви», — говорится в послании Собора, текст которого опубликован на его официальном сайте.

В нем отмечается, что комиссии РПЦЗ по переговорам со встречной комиссией Московского патриархата «поставлены определенные задачи для неотложного обсуждения на следующем совместном заседании по разрешению остающихся вопросов». Напомним, что в числе этих вопросов одно из первых мест занимает проблема экуменического общения.

«Нам диктуют не сроки, кем-либо установленные и предписанные. Дело единения Церкви Русской мы намерены совершать неотлагательно, по мере удовлетворительного взаимоприемлемого решения остающихся проблем. Они известны и четко сформулированы. Новых претензий выставлять мы не имеем намерения», — подчеркивается в послании.

«Трудно измерить и оценить, сколько времени и сил было потрачено на противостояние с обеих сторон — в те десятилетия разделения, когда существовала безбожная власть, пытавшаяся разрушить, но невозможная одолеть Христову Церковь на многострадальной земле Российской», — заявляют архиереи РПЦЗ.

При этом они подчеркивают, что противостояние друг другу «русских единоверных людей после падения советско-атеистического тоталитаризма уже причинило много вреда, и особенно в деле воспитания детей и юношества».

«Невозможно далее мириться с тем, чтобы мы, православные русские люди, были не то, что участниками, но хотя бы только равнодушными безучастными наблюдателями раздиранья нешвенного Христова хитона в междоусобной распре единоверных и единокровных братьев во Христе», — подчеркивается в документе.

При этом Архиерейский Собор заявил, что не намерен идеализировать ситуацию, поскольку «у обеих частей Русской церкви есть еще проблемы, требующие исправления», добавив, что «пастырский подход диктует нам с осмотрительностью делать шаги на пути примирения с Русской православной церковью Московского патриархата... но осмотрительность совсем не означает поворота вспять или отложения богоугодного дела примирения».

Обращаясь к верующим, Собор призвал «отложить споры и разногласия и влиться в спасительное делание восстановления единства Русской церкви».

Таким образом, прошедшие соборы РПЦЗ позволяют надеяться, что в результате работы согласительной комиссии евхаристическое общение между РПЦ и РПЦЗ рано или поздно будет восстановлено.

СИНОД КИПРСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПРИЗНАЛ ДЕЙСТВУЮЩЕГО АРХИЕПИСКОПА КИПРА ХРИЗОСТОМА НЕДЕЕСПОСОБНЫМ

17 мая на расширенном соборе Кипрской Церкви, который прошел в Швейцарии под председательством патриарха Варфоломея I, было принято решение о почетной отставке архиепископа Кипрского Хризостома, который долгое время страдает болезнью Альцгеймера и уже четыре года фактически не исполняет свои обязанности.

Отсутствие предстоятеля Церкви Кипра, традиционно обладающего большим влиянием на острове, порождало множество проблем как во внутрицерковной, так и в общественно-политической жизни страны.

Некоторые архиереи Кипрской Церкви, обеспокоенные сложившимся положением, выступили в Синоде за отстранение архиепископа от должности и назначение выборов нового предстоятеля. Однако это предложение не нашло понимания у остальных кипрских иерархов. Отсутствие в уставе Кипрской Церкви норм, регулирующих порядок выхода из подобных ситуаций, побудило обе стороны обратиться в ноябре 2005 г. за помощью к Константинопольскому патриарху Варфоломею, который и вынес этот вопрос на обсуждение собора.

В швейцарской встрече также принимали участие патриархи Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский.

За отстранение архиепископа от должности высказались 15 участников собора, из которых только трое представляли Кипр. Против высказались семь соборян (из них шестеро — иерархи Кипрской Церкви).

Выборы нового предстоятеля планируется провести 24 сентября 2006 г.

Подготовкой к голосованию при поддержке министра внутренних дел Кипра занимается специальная комиссия. В списке потенциальных претендентов на трон архиепископа — митрополит Пафосский Хризостом, митрополит Киккский Никифор и митрополит Лимассольский Атанасий. Митрополит Пафосский Хризостом исполняет обязанности главы Кипрской Православной Церкви с тех пор, как нынешний Предстоятель серьезно занемог.

КОНФЛИКТ В СУРОЖСКОЙ ЕПАРХИИ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

По сообщению «Благовест-инфо» через несколько дней после зачитывания в лондонском Успенском соборе указа о почислении на покой епископа Сергиевского Василия (Осборна), епархиальным советом Сурожской епархии было принято заявление, в котором говорится: «Как члены Епархиального совета, мы считаем невозможным принять решение Его Святейшества Алексия II об отстранении от должности и почислении на покой епископа Сергиевского Василия, который был избран Собранием и утвержден в качестве управляющего епархией Священным Синодом Русской Православной Церкви, поскольку это противоречит Уставу Сурожской епархии. Мы также отмечаем, что при назначении архиепископа Иннокентия временно управляющим не было проведено консультаций с епархиальным Собранием». Одновременно было опубликовано заявление приходского совета Успенского собора: «Как члены Приходского совета собора Успения и Всех святых, Эннисмор-Гарденс, Лондон, мы считаем невозможным принять решение архиепископа Корсунского Иннокентия о назначении протоиерея Михаила Гоголева настоятелем собора. Это решение противоречит Уставу Сурожской епархии, который гласит, что назначения священников должны иметь место после консультаций с заинтересованным приходом; кроме того, нынешний настоятель, протоиерей Иоанн Ли, по-прежнему занимает свою должность, исполняя свои обязанности несмотря на недавнюю болезнь».

Тем временем комиссия, назначенная патриархом Московским и всея Руси Алексием II для разбирательства ситуации в Сурожской епархии, 27 мая начала свою работу. Комиссию возглавляет архиепис-

коп Корсунский Иннокентий, временно управляющий Сурожской епархией. В ее состав также входят архиепископ Берлинский, Германский и Великобританский Марк (Русская Зарубежная Церковь), секретарь по межправославным отношениям Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата протоиерей Николай Балашов, секретарь по взаимоотношениям Церкви и общества Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата священник Михаил Дудко. Епископ Сергиевский Василий отказался от встречи как с комиссией в целом, так и от отдельной встречи с архиепископом Иннокентием и архиепископом Марком.

Начало работы Комиссии было приурочено к проведению ежегодной конференции Сурожской епархии в Оксфорде. Тема этой конференции, проходящей ежегодно в течение многих лет, в этом году звучит так: «Личность человека — падшая и возрожденная». Главный докладчик, выступлением которого должна была открыться конференция, — епископ Василий (Осборн) — накануне принял решение не участвовать в собрании.

В ходе конференции все желающие имели возможность встретиться с членами комиссии, расследующей причины кризиса в епархии. Разговоры о работе комиссии неизбежно возникали и во время пленарных заседаний и при обсуждении докладов. «Несмотря на то, что выражаются разные точки зрения, я заметил, что есть многое, что нас объединяет, — заметил на заключительном заседании архиепископ Иннокентий. — Давайте вместе работать. Благодарю вас за ваши труды, участие в конференции, молитвы, за высказывания, какими бы острыми они ни были. Считаю, что несмотря ни на что, конференция наша удалась, дала возможность обменяться мнениями. У нас будут для этого и другие возможности. Давайте вместе работать, молиться, хранить единство. Будем верными Святейшему Патриарху, будем чадами Церкви Христовой».

Работа комиссии в Оксфорде продолжалась до полудня 29 мая. Затем комиссия продолжила свои заседания в кафедральном соборе в Лондоне. Было объявлено, что все желающие могут прийти для предоставления своих свидетельств 29 мая — с 5 до 9 часов вечера; 30 мая — с 9 часов до 11:30 утра, а затем с 4 до 8 часов вечера.

В интернете продолжается публикация различных материалов, связанных с конфликтом. В первую очередь это свидетельства мирян и клириков Сурожской епархии. В числе первых 16 мая появилось открытое письмо епископа Василия (этот материал, как и множество других, опубликован на портале «Религия и СМИ», наиболее подробно среди российских ресурсов освещающем конфликт). В этом письме подробно рассказывается о событиях, ставших причиной решения о немедленном переходе под омофор Вселенского патриарха. В качестве исходной точки епископ Василий вспоминает конференцию Русского Христианского Движения в лондонском соборе 3 декабря 2005 года, где прот. Андрей Тетерин, оценивая жизнь епархии, в частности, сказал: «Все начинается с пренебрежения к церковному уставу, с произвольного перекаривания церковных служб и чинопоследований, как это имеет место в богослужении здесь в Сурожии. Очень вольное отношение. Далее, это ведет к пренебрежительному отношению к исповеди, как к таинству и необязательности ее. Ну а потом мы готовы к легкой непринужденной дискуссии о том, как надо правильно понимать догмат Церкви и вынести соборное решение на пленарном заседании. Все же это конечно, свидетельство определенного отрыва от литургической, богословской, аскетической традиции Православной Церкви и все это весьма малоутешительно».

Судя по письмам, о. Андрей выражал мнение определенной группы прихожан. В связи с резким расхождением мнений между этой группой и сторонниками епископа Василия не один раз звучали опасения, что епархия переживает раскол по национальному признаку. Определенный интерес представляет комментарий к этим обвинениям, прозвучавший в интервью еп. Василия (Осборна) программе «Вера и век»: «Раскол — и мне нечаянно его задумывать, он уже существует — это раскол между теми, кто хочет, чтобы епархия продолжала жить и развиваться в направлении, в котором она жила и развивалась под водительством митрополита Антония, и теми, кто хотел бы, чтобы жизнь епархии и составляющих ее приходов не просто жестко контролировалась Московским Патриархатом, но полностью воспроизводила тот тип церковной жизни, к которому они привыкли в России. Все это серьезно разделило русских. Это не вопрос деления на англичан и русских, по этим вопросам существует раскол среди русских прихожан, потому что среди русских прихожан есть люди, которые относятся ко всему этому совершенно по-другому, люди, которые любят свою епархию и хотят, чтобы она продолжала идти по пути, завещанному владыкой Антонием. Так что я, если хотите, прислушивался к ним и старался отражать их заботы и чаяния».

ДРЕВНЕЙШАЯ РУКОПИСЬ БИБЛИИ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ ОБНАРУЖЕНА В УНИВЕРСИТЕТЕ ЛЕЙПЦИГА

Сенсационная находка в университетской библиотеке Лейпцига: ученые обнаружили древнейший манускрипт, представляющий собой краткий пересказ Библии на немецком языке.

Рукопись хранилась в переплете, изготовленном в XVI

веке. Сами же письмена были созданы примерно в IX столетии. Особая ценность рукописи заключается в том, что написана она именно на немецком языке, в то время как в IX веке основным книжным языком была латынь.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ РЕЛИГИЙ МИРА НАДЕЮТСЯ, ЧТО ИХ ГОЛОС БУДЕТ УСЛЫШАН

«Мы надеемся, что предстоящий Всемирный саммит религиозных лидеров в Москве явится очень важным этапом на пути межрелигиозного сотрудничества, и что голос мировых религиозных лидеров будет услышан «Большой восьмеркой», — сообщил журналистам председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Кирилл, комментируя итоги двухдневной международной экспертной встречи в Москве по подготовке Всемирного саммита религиозных лидеров. Саммит пройдет в российской столице 3-5 июля.

По словам митрополита, экспертная встреча прошла на очень высоком уровне: главы религиозных общин, организаций и конфессий направили в Москву своих полномочных представителей.

«Состоялся открытый и очень динамичный диалог, который выявил очень высокую степень согласия между религиями по целому ряду вопросов», — подчеркнул представитель Русской Православной Церкви.

Основной темой обсуждения стала необходимость общих усилий по сохранению традиционных нравственных ценностей в жизни современного человечества.

По мнению экспертов, «именно исключение религиозных и нравственных ценностей может провоцировать экстремизм в религиозной среде и осложнять межцивилизационные отношения».

Кроме того, религиозные деятели уделили большое внимание таким темам как борьба с терроризмом, использованием религии «в неподобающих целях», преодоление бедности, нераспространение ядерного оружия.

В экспертной встрече, которая состоялась в российской столице 25-26 мая, приняли участие представители христианства, иудаизма, ислама, буддизма, индуизма из Албании, Армении, Бахрейна, Болгарии, Боснии, Германии, Египта, Израиля, Индии, Ирана, Италии, Китая, Киргизии, Латвии, Румынии, Сирии, США, Финляндии, Швейцарии и Эстонии.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ ПРОПОВЕДЕЙ ПРОТОПРЕСВИТЕРА ВИТАЛИЯ БОРОВОГО ПРОШЛА В МОСКВЕ

Презентация прошла 2 июня в Центре религиозной литературы Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. Рудомино

Как рассказал ведущий презентации, преподаватель церковной археологии Свято-Филаретовского института Александр Копировский, книга составлена из проповедей о. Виталия, произнесенных в 1977-2000 годах, большей частью в Богоявленском патриаршем соборе. В 70-е годы «жанр проповеди» был не просто гомилетикой — священник брал на себя функции учителя, миссионера, катехизатора, считает А. Копировский. Он отметил странную особенность: значение книги, собранной из проповедей, произнесенных 20-30 лет назад, в «бесписьменное время», не уменьшается, а наоборот — растет «по глубине, емкости и концентрации». «Большинство из этих проповедей мы когда-то собственноручно записывали на магнитофон там, в патриаршем соборе, потом переписывали от руки, перепечатывали на машинке, делали самиздатовский сборник и, конечно, мечтать не могли, что будем сидеть в библиотеке с книгой о. Виталия, изданной при его жизни», — сказал А. Копировский. Он отметил, что, «обращаясь к этой книге, к творчеству о. Виталия, к его духовной, пастырской, богословской, дипломатической, церковно-административной работе, можно сказать, что он человек выдающийся, и очень приятно говорить это не в прошедшем времени». В книге о. Виталия «очевидно присутствует дух пророчества, и

сами пророчества». В те годы он уже говорил о будущем возрождении, об открытии храмов, о возвращении Тихвинской иконы Богородицы на родину, о том, что главным для Церкви будет «не личное благочестие» и даже не приходское устройство, а община, и, что самое главное, — особо приоритетным станет духовное образование. Отец Виталий Боровой — не просто пример долголетия, а того, что «жизнь в старости не оскудевает», отметил далее историк. По мнению А. Копировского, о. Виталий принес себя в жертву церковной работе, церковному свидетельству; он мог бы стать богословом, но никогда не противился Божьей воле.

Настоятель храма Всех святых в г. Мытищи о. Владислав Каховский в своем выступлении отметил, что о. Виталий — это человек, который действительно олицетворяет в себе «все наше время, наши устремления, эпоху, возрождение, одним из двигателей которого явился он сам». Священник отметил, что духовные ресурсы о. Виталия превосходят его физические возможности. «У него видение вселенское, он все видит в целом», — подчеркнул он далее. Он также отметил умение о. Виталия «не просто говорить правду, а зажигать на потрясающих контрастах».

Участникам встречи были продемонстрированы видеозаписи — отрывки из интервью с о. Виталием и его слово на панихиде по С.С. Аверинцеву в часовне Свято-Филаретовского института.

В БЕЛГРАДЕ ВОЗОБНОВИТ РАБОТУ БОГОСЛОВСКАЯ КОМИССИЯ ПО ДИАЛОГУ МЕЖДУ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ И ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВАМИ

В сентябре этого года в Белграде возобновит работу богословская комиссия по диалогу между Римско-католической церковью и поместными Православными церквями.

Основной темой обсуждения станет вопрос о приходе папы и греко-католиков.

Со стороны Московского патриархата в работе комиссии примут участие представитель Русской православной церкви при европейских организациях епископ Венский и Австрийский Иларион и секретарь по межхристианским связям ОВЦС священник Игорь Выжанов.

Смешанная комиссия, которая занимается разрешением богословских вопросов, была создана в 1980-е годы. Ее работа была прервана в 2000 году после встречи в Балтиморе (США) из-за нерешенности вопроса об униатах.

Несколько лет назад папа Римский и патриарх Варфоломей подписали совместную декларацию, в которой было зафиксировано намерение возобновить прерванный диалог.

«Слава Богу, что богословский диалог возобновляется», — сказал в беседе с корреспондентом «Интерфакса» глава католической архиепархии Божией Матери в Москве архиепископ Тадеуш Кондрусевич.

Московский патриархат и Ватикан также сотрудничают в рамках совместной рабочей группы по рассмотрению практических проблем, существующих во взаимоотношениях между двумя Церквями. Она была создана в феврале 2004 года.

Давая оценку православно-католическим отношениям, Тадеуш Кондрусевич отметил, что они «еще далеки от идеальных, но тем не менее намечается очень позитивный сдвиг».

Он также указал на неоднократно озвучиваемую обеими Церквями необходимость совместного свидетельства о христианских ценностях перед лицом современных вызовов.

«Эти вызовы ужасающие. Куда идет Европа! Куда идет мир! Когда я езжу по России, меня часто спрашивают: почему мы не видим вас вместе, говорящих о проблемах нашего общества и мира в целом, проблемах семьи, наркомании и алкоголизма, терроризма, социальной несправедливости», — отметил он.

Говоря о возможности встречи папы Римского Бенедикта XVI и патриарха Московского и всея Руси Алексия II, архиепископ выразил уверенность, что «когда-то она состоится, но для этого должны созреть условия».

В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ОТКРЫТА ВЫСТАВКА, ПОСВЯЩЕННАЯ ИСТОРИИ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ В РОССИИ

Выставка «Библия в России» открылась в Государстве РФ.

На выставке представлены экспонаты, фотографии, материалы, посвященные распространению Священного Писания в России на языках населяющих ее народов с X века до настоящего времени. История переводов и издания Библии проиллюстрирована редкими рукописями, книгами, видеоматериалами.

Как отметил в своем приветствии участникам выставки патриарх Московский и всея Руси Алексий II, Библия «не только служит источником Божественного откровения для сотен миллионов христиан, но и является одним из главных оснований мировой культуры».

В то же время Алексий II призвал помнить, что «подлинной драгоценностью Библию делает не оформление, а богодухновенное содержание. Она предназначена не для украшения книжной полки, а для постоянного чтения, которое способно утолить духовный голод всякого человека».

Организаторами выставки «Библия в России» выступили Издательский совет Русской православной церкви, Российское библейское общество, патриаршая и синодальная библейская комиссия, синодальная библиотека Московского патриархата, православный благотворительный фонд «Пересвет», комитет Государственной Думы РФ по делам общественных и религиозных организаций.

В 2006 году отмечается 950 лет со времени издания первой русской книги — «Остромирова Евангелия», 130-летие синодального перевода Библии на русский язык и 50-летие первого выпуска издательством Московского патриархата в 1956 году массового издания Библии на русском языке в современной орфографии.

ЛУКИН СЧИТАЕТ, ЧТО ПРЕПОДАВАТЬ В ШКОЛЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДМЕТЫ НЕ СТОИТ ДАЖЕ В ВИДЕ ФАКУЛЬТАТИВОВ

Уполномоченный по правам человека в РФ Владимир Лукин выступает против преподавания в школах религиозных предметов.

«Конституция РФ и закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» устанавливают светский характер государства, а также государственной и муниципальной школы. Это со всей очевидностью указывает на недопустимость обязательного преподавания «религиозных предметов», — говорит в докладе В. Лукина «Права человека и модернизация российского образования», текст которого был передан в «Интерфакс».

Кроме того, по мнению В. Лукина, преподавание истории тех или иных религий в рамках школьных факультативов, которое в ряде школ имеет место сейчас, может быть лишь временной мерой.

«Закон устанавливает такую возможность в связи с просьбами родителей, согласием детей... Конечно, это компромисс. Он отражает то обстоятельство, что на момент принятия закона у религиозных организаций зачастую просто не было необходимых помещений, где можно было бы проводить религиозное обучение», — отмечает В. Лукин в своем докладе.

При этом он считает, что «теперь ситуация коренным образом изменилась», и «религиозным организациям стоит впредь брать на себя ответственность за организацию конфессиональных образовательных учреждений, например, «воскресных школ».

В связи с этим В. Лукин предлагает «подумать о внесении в указанный закон поправок, которые бы исключили преподавание «религиозных предметов» в стенах государственных и муниципальных школ».

По его мнению, необходимые сведения о самых разнообразных религиях в дополнение к той информации, которая уже есть в школьных учебниках, учащиеся смогут получать из учебника «Мировые религии», работа над составлением которого уже ведется.

В. Лукин считает, что «учащимся государственных и муниципальных школ рассказывать о религиях должны историки, культурологи и религиоведы, а не служители культа».

В ЧЕМ РЕАЛЬНОСТЬ ЦЕРКВИ?

Материалы круглого стола, прошедшего в Санкт-Петербурге 2 марта 2006 г.

(Начало на с. 1)

Этот сплав и выдается за «чистое Православие», и всякое отступление от него или хотя бы попытка в нем разобратся облачаются немедленно как «ересь» (с. 109).

Вот это, на мой взгляд, одна из самых резких формулировок о. Александра, перечисление именно тех проблем, которые, с его точки зрения, являются в православной церковной жизни актуальными. И еще короткая цитата, просто перечень:

- «номинализм» (все эти «Антиохии», «Александрии» и пр.);
- литургический слепой консерватизм;
- культ «прошлого»;
- богословская возня почти исключительно с Отцами;
- апокалиптизм;
- ненависть к современному миру (а не к «миру сему»);
- эмоционализм;
- культ «внешнего» (бород, ряс, «стиля»). (с. 547)

Думаю, что с постановкой каких-то из этих проблем можно не соглашаться. Но в целом, на мой взгляд, здесь о. Александром обозначено то, что может стать темой отдельного круглого стола, а не только одним из вопросов нашего. Напомню, что, будучи историком, я опираюсь на первоисточники, а первоисточник для нашего круглого стола — «Дневники» о. Александра. И я приведу еще одну цитату, которая важна для меня и для многих из тех, кто так или иначе грешит одним из главных искушений православной церковной жизни — историзмом, который в конечном итоге обращается в антиисторизм, о чем пишет о. Александр: «богословской предпосылкой изучения истории Церкви должно быть как раз освобождение истории Церкви от ее священного абсолютизации. Между тем как изучение это, сосредоточенное уже давно на Церкви в себе, а не на соотношении ее с миром, культурой и т.д.» Эта мысль проходит через Дневник в разных контекстах, и это очень важно.

Действительно, многие проблемы современной церковной жизни, в частности, в нашей стране, можно объяснить именно тем, что мы пребывали в ощущении, что когда-то в истории Византии ли, Руси ли, домонгольской Руси, московской Руси, или императорской России (это мое личное искушение, я связывал это именно с имперским периодом) — состоялся великий синтез Церкви и истории, что в какой-то исторический период Церковь реализовала себя в полноте. А раз это состоялось, то церковное возрождение должно представлять собой по существу реанимирование этого конкретного исторического отрезка в истории Церкви. И по сути дела наше церковное возрождение сейчас представляет собой конгломерат такого реанимирования разных типов византийского или русского Православия: кто-то реанимирует Московское Православие, кто-то Петербургское, кто-то Византийское, кто-то Киевское. И здесь возникает очень важная проблема: действительно, за подобного рода подходом к церковной жизни стоит верное чувство того, что Церковь выражала себя в истории через историю, понять Церковь вне истории невозможно. И сам о. Александр оставался всегда как ученый историком в своем подходе даже к богословским проблемам, но именно благодаря тому, что он был историком, он почувствовал, что этот замкнутый на истории как самодовлеющий теме Православия подход выводит Православие из истории.

На самом деле Церковь не состоялась ни в один из этих периодов. Цер-

ковь в полной мере состоит лишь в конце истории, а те или иные исторические периоды в истории Церкви, может быть, отображали, с одной стороны, те или иные достоинства Церкви, с другой стороны, те или иные ее искушения. Т.е. привязанность к истории лишает православную церковь подлинного историзма. Т.е. мы постоянно обращены в прошлое, пытаемся перенести это прошлое в настоящее, и через это прошлое понять будущее, а между тем современная жизнь общества, не «мира сего», а мира, который окружает нас, ждет нашего слова, происходит совершенно в другой плоскости. Мы не чувствуем этой жизни, а значит, выпадаем из истории во имя истории.

Вот это та проблема, к которой, как мне кажется, сводятся те частные проблемы, с перечисления которых я начал цитирование Дневника о. Александра Шмемана.

Никита Алексеевич Струве, профессор университета Нантер, главный редактор журнала «Вестник РХД» (Париж):

Я думаю, ключ к проблеме Церкви вообще, а не в сегодняшнем дне только — объективация Духа, говоря языком Бердяева.

Церковь есть Дух, Дух и Свобода. Всякая объективация задает границы Духу и Свободе. И когда это принимается как должное, что естественно, то это проблема церкви как института — и, наоборот, чего-то, что максимально не институт. Все проблемы рождаются, когда институт заменяет основное в Церкви. И эти

проблемы всегда будут свойственны Церкви, ибо основаны на антиномии, которая заложена в Ее существе. Как раз вся сила Дневника о. Александра заключается в том, что он эту объективацию Духа, объективацию Церкви чувствует до предела и страдает от этого.

Я только что вернулся из Ярославской епархии, где очень ясно почувствовал, насколько давит груз истории, при том, что эта история оборвалась, и дух, который вдохновлял историю, оборвался. Насколько это груз давящий, почти что не позволяющий дышать, ощущают очень многие. Эта проблема поставлена не на сегодняшний день, а на все дни.

Вы говорите, что Церковь исполнится в конце времен. Но в конце времен наоборот, «будет ли еще вера на Земле?» — говорит Спаситель. Я не думаю, что мы идем к исполнению Церкви. Церковь находится в вечном кризисе в смысле суда. Она исполнится всем тем, что в ней было от Духа и Свободы, не в конце времен, а по ту сторону времени.

Прот. Александр Сорокин (Санкт-Петербург):

В этом плане мне запали в душу многие цитаты, но может быть одна из самых ярких — «Ранние христиане: Тело Его на престоле, потому что Он среди них. Теперешние христиане: Христос тут, потому что Его Тело на престоле» (с. 67). Это очень точный диагноз того, что происходит или произошло. Действительно, Евхаристия стала некоей самостоятельной существующей реальностью, облекая которую в оп-

ределенную форму в виде последования Литургии можно сохранить хотя бы какие-то проблески Духа и жизни в этом Духе.

И в этом случае Тело Христово, лежащее на престоле, является тем объективно существующим или пресуществляющимся моментом, от которого мы пытаемся как от имеющегося Источника. Тогда как о. Александр настаивает на том, что изначально сама по себе жизнь во Святом Духе в Церкви выражалась в том, что этот хлеб становился Телом и причастие — это свидетельство наше в едином Духе.

Прот. Владимир Федоров (Санкт-Петербург):

Книга эта для меня, конечно, откровение. С одной стороны, невероятно остро, пронзительно ставятся какие-то вопросы, с другой стороны, это всё уже написано о. Александром, только другими словами. Я представляю себе человека неготового, не знакомого с книгами о. Александра — для него это встреча с пророческим словом почти на любой странице может быть и шоком. Но подготовленный читатель проникнет значительно глубже в суть этих записей, и православие засияет для него еще более гармоничным, богатым, требующим религиозного вкуса. Не хотелось бы сейчас приводить какие-то цитаты. Всё это вместе для меня ложится в такую тему: главная трагедия нашего общества сегодня — это подмена веры идеологией. В «Дневниках» об этом прямо, кажется, не говорится, но, тем не менее, это одна из основных линий. В этом смысле это, я бы сказал, антибольшевистская книга. Потому что для православия действительно очень опасны подмена веры идеологией и возрождающийся ныне в России коммунизм, когда поиск врагов, поиск ересей заменяет радость церковной жизни и саму церковную жизнь.

Нина Ивановна Попова, директор музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме (Санкт-Петербург):

Я должна сказать, что эта книга очень много для меня значит, она как своего рода исполнение давнего желания обрести духовного отца. Здесь самое

важное для меня утверждение (с. 57): «культура и богословие эсхатологичны по самой своей природе». Для меня это очень дорогое определение, потому что это выход из существующего ныне отторжения церкви от культуры, вернее сказать, их параллельного сосуществования. Я думаю, что для о. Александра была абсолютно органична жизнь в русской культуре. Не случайно так легко тексты Ман-

дельштама и Ахматовой присутствуют на страницах его дневников. В 1966 г. буквально через два месяца после смерти Ахматовой о. Александр написал лучшие слова об Ахматовой. Это такое глубокое определение смысла её творчества, которого я за прошедшие 40 лет после её смерти (это при том, что он не литературовед, как он сам говорит) ни в каких литературоведческих работах не встречала. Текст о. Александра заставляет размышлять, вести анализ поэтического текста, находить сердцевину ахматовского мира... И это очень важная вещь для меня: я на страницах дневников о. Александра нахожу выход к проблемам литературы и культуры. В этом смысле они «подпитывают».

Я, конечно, не церковный человек, но я человек, который общается с людьми и занимается своего рода жизнеустройством в этом музее, имея в виду создание определенных отношений прежде всего с теми людьми, с которыми мы вместе работаем, которые точно так же читают Ахматову, как перед этим читали Пушкина. То есть с людьми, профессионально занимающимися историей русской культуры; одни из них могут быть религиозными и церковными людьми, другие — атеистами. Разные люди и по взглядам, и по возрасту, и по своему опыту. Нужно находить какой-то принцип, стиль отношений с этими людьми, жизнь которых соответствовала бы их занятию русской культурой, которая эсхатологически равна религии. Это очень трудно, я знаю разные крайности в создании стилистики таких отношений в учреждениях культуры. Иногда можно сказать: «Люди, с которыми я вместе работаю, — моя семья». Это частично так, но вместе с тем я же знаю, что это не моя семья. Это всё-таки очень разные люди, я не буду и не должна прикидываться и играть роль родной матери. Иначе это приведет в тупик. С другой стороны, если сохранять только формальные административные принципы отношений с людьми, тогда это будет противоречить духу и смыслу того, чем мы занимаемся — историей культуры, в основе которой интерес и уважение к жизни отдельного человека. В книге о. Александра я нахожу его размышления о принципах такого жизнеустройства, частично совпадающие с тем, что существует в опыте моей собственной жизни.

Я не скажу, что я теперь уже знаю какой-то окончательный результат подобных размышлений. По-прежнему идет процесс раздумий, ответ находится, в том числе и благодаря таким книгам. Благодаря тому, что есть Ахматова, благодаря тому, что к ней, к её вере и к сущности её жизни продираешься и начинаешь что-то понимать, что и заставляет складывать стиль отношений внутри того, что называется музеем.

Еще мне очень дорого в Дневниках о. Александра живое ощущение веры, того, что Христос среди нас. Я помню, как в Германии, когда я жила в семье эмигрантов первого поколения, в доме Киры Николаевны Сперанской (она умерла 10 лет тому назад), она мне говорила: «Знаешь, я думаю о Христе, и у меня вот здесь, — и клала руку на левую половину груди, — мне здесь тепло». Это было лет 15 тому назад. Знаете, мне очень хотелось это пережить, я этого не понимала — как это может быть здесь тепло? Но вот в Дневниках о. Александра есть такое живое ощущение веры, от которой тепло на сердце. И я ему за это очень благодарна. Для меня эта книга, которая останется навсегда, это моя книга.

Ю.В. Балакина:

Спасибо, Нина Ивановна. Я думаю, что Ваше слово очень важно, потому что может возникнуть ощущение, что мы говорим только о внутрицерковных проблемах, как бы только для людей, погруженных во всё это. И то, что это вдохновляет вас, как человека, может быть, не живущего этими внутрицерковными проблемами, это очень ценно. Спасибо вам.

Прот. Вейкко Пурмонен (настоятель Хельсингского прихода, Финляндская православная церковь):

Постараюсь сказать что-нибудь на русском языке о лично знакомом мне давно о. Александре Шмемане. В 1968 году я закончил Свято-Владимирскую семинарию, и потом довольно часто встречал его на разных собраниях, два раза он был в Финляндии, читал лекции для нашего духовенства. Думаю, что в его преподавании самое главное было литургическое возрождение Православной церкви, именно евхаристическое возрождение. Это действительно центр его мышления, преподавания. Ему чудно было чисто теоретическое академическое богословие. Его основа богословия — молитва, именно погружение, и евхаристия. Может быть, поэтому, например, он имел довольно большой конфликт с о. Георгием Флоровским, который представлял более научный, академический подход. Конечно, для них обоих евхаристическая экклезиология была в центре богословия.

Но существует определённая разница: у о. Александра личный литургический опыт — это основа всего: его мышления, его богословия. Он говорил о деклерикализации богословия и богословского образования. В православной церкви думают, что богословие прежде всего для епископов, и верующий народ с этим не связан. Но это неправильно, богословие для всех и каждый христианин, каждый верующий, каждый, кто молится, богослов. Надо быть богословом. Еще один аспект всегда был в его учении — забота о судьбе православной церкви России и русской культуре, русской философии, русском богословии. Это всегда был фундаментальный вопрос. Надо сказать, что он был сильным антикоммунистом, антимарксистом, антибольшевиком, как кто-то здесь сказал. Я помню, когда он в Финляндии был в первый раз в 75-м и потом в 78-м году, он жалел, что в Финляндию мог приехать, а в Россию — нет. Это была трагедия. Он любил Русскую церковь, историю, был знатоком русской культуры, истории, богословия. Но сам никогда не мог сюда приехать.

Александр Анатольевич Буров, редактор газеты «Кифа», (Санкт-Петербург):

Не хотелось бы добавлять к реестру названных проблем церковной жизни еще что-то из очевидных трудностей. Остановлюсь только на одной, как мне представляется, глубинной проблеме. Она не всегда явно формулируется в дневнике, но чувствуется с первых страниц. Это не только личная проблема о. Александра, но и проблема жизни церкви в целом — одиночество. Собственно, одиночество и вызвало появление этих дневников. О. Александр вел их не всю жизнь, — только в юности, во время кризиса. И затем, вот — в последнее десятилетие своей жизни.

Понятно, что это было время, когда ушла из жизни первая эмиграция, которая была его родной средой. С третьей эмиграцией у него были довольно

сложные отношения. Но, мне кажется, что проблема глубже. Наверное, не случайно половина участников нашего круглого стола — священники. И, по отзывам читателей из Москвы и Петербурга, известно, что наиболее активно читают эту книгу именно священнослужители. Хотя, одиночество, конечно, проблема не только духовенства. Почти фатальная разобщенность православных — это печальный факт нашей сегодняшней жизни.

Я позволю себе вернуться к теме нашего круглого стола (В чем же реальность церкви?). О. Александр об этом пишет на с. 281. «Во-первых, это особое видение Бога и человека, во-вторых, это таинство в самом глубоком смысле слова». Вот к этому «видению» я бы хотел, как говорят молодые люди, «прицепиться», оно для характеристики о. Александра очень важно, почти определяющее. Он, прежде всего, человек видения, созерцания, наблюдения. Эти Дневники вызывают, между прочим, и восхищение невероятной наблюдательностью автора: как много он замечает в самых разных явлениях — литературе, политике, искусстве, церковной жизни — и как тонко. Эта наблюдательность возвращает читателю вкус к истории — какие-то вещи, которые раньше существовали в сознании отвлеченно, как газетные штампы, вдруг оживают как нечто реальное. И так же о. Александр возвращает своим читателям вкус к церковной жизни. Но «оборотная сторона» этой внимательности, наблюдательности, созерцательности — некоторое дистанцирование, некоторая отстраненность. Как пишет о. Александр: «чувство полного одиночества среди будто бы единомышленников» (с. 34). При этом он предельно честен по отношению к себе, он и себя видит так же ясно, как и окружающий мир.

И эта катастрофическая нехватка общения, которая, может быть, оказалась для него лично роковой — почему он так рано и сгорел — мне представляется наиболее существенной проблемой церковной жизни затронутой в Дневниках. Даже более существенной, чем проблемы смысла, клерикализации и т.п. Не случайно о. Александр предупреждал о том, что выветривание связанного с общением эсхатологического духа, из жизни церкви не просто преодолеть. Нельзя просто что-то сделать, например, просто открыть царские врата или начать гласно читать литургические молитвы, и ожидать, что этот дух тут же вернется. Есть еще что-то более важное.

Мучительная раздвоенность, о которой о. Александр пишет в Дневниках, проявляется и в контрасте между содержанием его последних трудов и этих Дневников. С одной стороны, его «Евхаристия» — это созерцание, опять же видение, совершенно иконическое, идеального образа церкви. С другой — одиночество, проступающее в Дневниках, кризис общения. Это, на мой взгляд, не только личная трагедия, но во многом и общая трагедия современного православия, даже, думаю, и христианства в целом.

Свящ. Виктор Максимовский (Финляндская православная церковь):

Моё отношение к выходу из печати этих дневников и к ним самим неоднозначно. Когда на обложке видишь имя

отца Александра Шмемана, психологически у многих возникает желание читать книгу как учебник, как некую оценочную книгу. Но еще хуже, если эта книга воспринимается как внешняя оценка. В интернете стало вылезать довольно много цитат из

который живёт церковью, страдает церковью и ищет Церкви.

Я бы хотел повторить то, что сказал Никита Алексеевич о проблеме объективации духа. Советскому и постсоветскому человеку это известно под именем «системы». Нужно сказать, что это слово вошло в наш лексикон еще в синодальный период церковной истории, но очевидно, что эти проблемы не тогда возникли. Но чего искал о. Александр, как преодолевается эта объективация? Как преодолевается система, т.е. ложный двойник Церкви? Воплощением духа, т.е. воплощением церкви как общения. С Кем и в Ком мы имеем общение? Может быть, для меня лично — это главный вопрос, который ставил о. Александр, который, видимо, и стоит сейчас перед церковью. Это и противостоит объективации духа — его воплощение.

Я тоже хотел бы вернуть ход нашего разговора к главной нашей теме — образу церкви, парадигме жизни церкви. Мы все хорошо помним Апостольский символ веры, в котором говорится, что Церковь есть общение святых, то есть общение служений, общение даров Духа. И вот, может быть, сегодня стоило бы нам, всем христианам и всем людям культуры — всем — искать этого. То, что выразила Нина Ивановна, скромно сказав при этом, что она — не церковный человек. Она сказала, по-моему, самую главную вещь: христианин должен помнить и исповедовать себе и ближнему: «Христос посреди нас!» И может быть, сейчас для нас нет более актуальной формулы выражения исповедания нашей веры в Церковь.

И в этой связи мне хотелось бы снова поблагодарить устроителей этого круглого стола. Мне кажется, то, что сейчас происходит, не просто собрание в память достойнейшего человека, богослова и человека Церкви. Мы всегда помним предупреждение Евангелия, что память пророков может оказаться ложной, не евангельской, не спасительной. Но здесь, по-моему, совершается общение, собрание каких-то живых крупин, частичек, которые сам Дух Божий собирает в Церковь.

Когда я вчера услышал название темы, сразу вспомнил важный, на мой взгляд, опыт жизни Финляндской православной церкви. Хочу поделиться: в Финляндии есть такая форма работы и жизни духовенства как Союз священников. Я, когда приехал в Финляндию три года назад, сразу попал на такое собрание и спросил себя: «Возможно ли такое в России?» Вот сейчас, в современной России, в современной Русской церкви можно ли собрать священнослужителей, мирян, пригласить епископов, чтобы открыто говорить о реальных проблемах, не выдуманных, не выдернутых из истории и не спущенных «сверху»? Мне кажется, сегодня я немножко получил ответ на то свое вопрошание. Несмотря на то, что проблем действительно много, так много, что некоторые авторитетнейшие члены церкви, богословы и священники иногда позволяют себе сказать, что еще пара таких лет, и мы не будем знать, где церковь. Но вот что у нас есть возможность встречаться и говорить именно в духе общения Церкви — это большая надежда, и осуществление нашей ответственности за о. Александра, и исполнение его надежд, его ожиданий.

Прот. Вейкко Пурмонен:

Вопрос об исповеди. О. Александр Шмеман практиковал общие исповеди. Он делал это очень глубоко прекрасным образом, по-настоящему. Я сам участвовал в одной из них. Как сегодня в Русской церкви, возможна такая общая исповедь?

Проф.-прот. Георгий Митрофанов:

Они имеют место. Я не знаю, в какой форме о. Александр практиковал общую исповедь. У нас они, как правило, обусловлены не принципиальной позицией пастыря, не какими-то его харизматическими дарованиями, как у Иоанна Кронштадского, а просто обстоятельствами, связанными с тем, что большое количество причастников не

обходимо исповедовать в рамках литургии, и физически выслушать кого бы то ни было невозможно. Поэтому читаются молитвы, произносятся короткое слово и только разрешительная молитва над каждым подходящим к аналою. Вот и всё. Я думаю, что подобного рода опыт общей исповеди не менее чем профанирующая псевдостарческая индивидуальная исповедь дезориентирует священников именно в опыте пастырской деятельности. Потому что и такая общая исповедь, и индивидуальная часовая, которой у нас увлекаются многие молодые священники, по сути не учит их быть духовниками.

А.А. Буров:

Я хотел бы вернуться к проблеме одиночества. Я благодарен всем за то, что эта тема нашла отклик. Да, для человека такого масштаба, как о. Александр, одиночество в какой-то мере неизбежно. Кроме того, он принадлежит к той пророческой линии русской религиозно-философской и богословской мысли, которая идёт еще от Хомякова. Принадлежит очень конкретно — его преподавателем в Свято-Сергиевском институте был о. Сергей Булгаков. И как бы о. Александр от него ни отталкивался на страницах Дневников, очевидно, что его богословие — это часто просто незакавыченные цитаты из трудов о. Сергия. Это и сама постановка вопроса о Церкви как о вселенстве, а не об отдельных таинствах в Церкви, и не раз уже упоминавшийся сегодня эсхатологизм и т.д. И о. Александр, как всякий человек пророческого склада, действительно, одинок.

Но здесь есть и другая сторона, о которой говорил о. Георгий Митрофанов и немножко Нина Ивановна. О. Георгий как бы немного «сузил» проблему, говоря об одиночестве именно священнослужителей. У неё есть этот очень важный специфический аспект — одиночество пастыря. Но в церкви это проблема не только для священнослужителей. И, когда о. Георгий говорил, что «в эпоху безотцовства мы решаем проблемы соборно», у меня буквально вертелось на языке вот что: в эпоху кризиса отцовства, может быть, пришло время братства? Если братство действительно предполагает то, о чем говорил о. Георгий, это общение с братьями во Христе.

Мне кажется, что это и проблема, и где-то выход, именно восстановление в церкви духа братства, духа братского общения. Когда действительно возможно преодоление замыкания на каких-то отдельных моментах, отдельных сторонах церковной жизни, религиозной жизни, которая может быть очень богата и очень занимательна, но без общения выхолащивается.

Ю.В. Балакина:

Я хотела бы процитировать фрагмент Дневника, который, как мне кажется, отвечает на поставленный сейчас вопрос: «Церковь оставлена в мире, чтобы совершать Евхаристию и спасать человека, восстанавливая его евхаристичность. Но Евхаристия невозможна без церкви, т.е. без общины, знающей своё уникальное, ни к чему в мире не сводимое назначение — быть телом Христовым. Евхаристия объясняет церковь как общину, любовь ко Христу и любовь во Христа как Истину и как миссию. Другого назначения, другой цели Церкви нет, нет своей, отдельной от мира религиозной жизни».

Итоговый документ конференции «Церковное искусство, его восприятие и преподавание»

11 – 12 мая 2006 г. в Свято-Филаретовском православно-христианском институте и Центральном музее древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева собрались более 100 специалистов по истории искусства, педагогике и психологии, церковной археологии, преподавателей церковного искусства, работников музеев, священнослужителей Русской Православной Церкви из 6 стран (Россия, Украина, Финляндия, Германия, Италия, США) и разных городов России (Москва, С.-Петербург, Архангельск, Екатеринбург, Брянск, Казань, Орел, Н. Новгород, Саратов, Смоленск, Шуя, Сергиев Посад, Киров, Новосибирск). Заслушав и обсудив ряд докладов по теме конференции, ее участники принимают в качестве рекомендации для работы с произведениями церковного искусства следующие положения:

- изучение исторического, культурного и художественного наследия Церкви находится в настоящее время на перекрестке методологических подходов и испытывает более сильную, чем когда-либо, потребность в совершенствовании своих методов, своего инструментария;
- наиболее перспективной становится интеграционная тенденция современной научной методологии, развитие комплексного подхода, который включает идею «синтеза искусств» в храме и особого эмоционального воздействия церковного искусства на эстетическое сознание человека;
- важнейшим методологическим принципом является учет первоначального назначения и полноты богословского содержания произведений церков-

ного искусства в качестве основополагающих факторов, поскольку их художественное воплощение находится в органическом единстве с их сакральной сущностью. Вместе с тем, очевидна необходимость более детального подхода к методике анализа художественной структуры произведения.

Участники конференции считают необходимым продолжить работу в этом направлении, и объявляют о намерении создать постоянно действующий семинар, для участия в котором, — непосредственно и заочно, — приглашаются те, кто изучает произведения церковного искусства и преподает предметы, связанные с ним. Цель семинара — изучение реального живого опыта восприятия и преподавания церковного искусства, накопленного духовными и светскими учреждениями или отдельными исследователями и преподавателями, взаимные консультации специалистов в области церковного искусства на базе Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева и Свято-Филаретовского института.

По итогам работы конференции будет издан сборник, в который войдут как выступления и дискуссия на конференции, так и работы, специально подготовленные участниками конференции.

Мы надеемся, что эти усилия, направленные на углубление восприятия церковного искусства и его адекватное преподавание, будут способствовать дальнейшему возрождению духовной жизни и культуры в нашей стране.

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ЕДИНСТВА

Интервью с профессором исторического факультета МГУ А.Л. Расторгуевым

Кифа: По мнению многих участников конференции «Церковное искусство, его восприятие и преподавание», Ваше выступление представляло собой внутренний центр первого дня, потому что оно сразу поставило проблему ребром.

А.Л. Расторгуев: Я на это и надеялся. Несомненно, есть масса профессиональных вещей, которые можно сказать в области истории византийского или, если говорить о моей специальности, латинского средневекового искусства, но конференция была не для этого собрана. Как мне кажется, главное сейчас — понять, как связаны между собой и как друг через друга говорят специальное слово науки и слово Божье, и как сделать так, чтобы это взаимодействие было более постоянным, более полным, как вернуться к той ситуации, которая была, на мой взгляд, в семидесятые годы, когда через научный дискурс, посвященный византистике или истории христианской культуры и христианской цивилизации в целом, ответственность христианского сознания и потребность в духовном просвещении была очень видна. Сейчас это во многом утрачено. Поэтому мое выступление было несколько встревоженным.

Кифа: Разговор, который после этого начался, отвечал Вашим ожиданиям?

А.Л. Расторгуев: В общем да, хотя, как всегда в разговоре, были те, кто не понял, о чем я говорил, или забыл часть из того, что я говорил.

Так, кто-то решил, что я выступаю против профессионализма. Ровно наоборот! Путь к более высокому горизонту и к охвату большего количества событий и явлений в области истории культуры лежит только через кропотливую работу над фундаментом. Если обратиться к образам, близким к изучаемому мной средневековому западному материалу, то как любой рыцарь, или, скажем, некое феодальное сообщество может захватить большую территорию, лишь имея очень хорошо укрепленный собственный замок, так и цельное видение гуманитарного знания возможно только для настоящего специалиста. Твоя собственная специальность, твоя конкретная наука, если она по-настоящему «укреплена», естественно — как всякая историческая дисциплина — рождает ощущение, что ты находишься перед постоянным богооткровением, перед постоянным свидетельством Господнего действия и просвечиванием Господнего смысла через этот мир. И всякая история здесь — это наполовину изложение фактов и наполовину теология. Горизонтальная составляющая — это изложение фактов, вертикальная составляющая — это богообщение, которое заложено в человеке, которое есть в ученом, если он действительно профессионал. Если вертикальная составляющей нет — история превратится в хронику: такого-то числа случилось то-то. Если есть только вертикальная составляющая — история превратится в проповедь. Может быть, это и хорошо, но это разные жанры.

Кифа: Не только Вы в своем докладе, но и многие участники конференции обращались к опыту Сергея Сергеевича Аверинцева. Это человек, который сам являлся собой диалог и призывал к диалогу. К сожалению, сейчас очень редко бывает, чтобы при обсуждении той или иной проблемы вообще возник хоть какой-то диалог. Чаще всего и в научной, и в богословской дискуссии возникает некая характерная глухота, когда каждый слышит только себя.

А.Л. Расторгуев: В служении Сергея Сергеевича в самом замечательным был просто сам его абсолютно неподдельный интерес к слову и полное пребывание внутри своего материала: уже этим он заставлял людей думать о вещах, о которых они никогда не думали. Потому что он являл собой человека, для которого нет ничего важнее, чем сейчас поговорить, скажем, о Фоме Аквинском, и хотя вокруг могут города гореть — эти слова о Фоме есть абсолютно необходимая составляющая часть жизни, не лучше, не хуже внешней реальности — просто вот сейчас это надо, и все. И поскольку внутри этого его вызывания и обращения присутствовала живая вера, присутствовало ощущение, что в слове или в образе живут не только они сами, не только человеческое высказывание и человеческий образ, но Божественный образ и Божественный глагол. Это всю аудиторию делало соучастниками или сопричастниками этого события. Если хотите, они присутствовали при том, как в человеке эта уверенность крепнет и ставится на очень твердую основу прямо на их глазах. Так что я думаю, что это трудно чем-то заменить или имитировать. Имитировать это вообще нельзя. А можно исходя из каждой конкретной ситуации просто смотреть на все свежим глазом и говорить о том, что видишь. Только не надо стилизации, «специальной» учености, «специальных» вероучительных учебных программ, «специальной» систематической профессионально-богословской интонации — вот этого всего не нужно.

Я думаю, что аудитория изменилась, и, вероятно, если бы сейчас Сергей Сергеевич говорил бы для моих студентов, они бы его не поняли. Они, во всяком случае, поняли бы не так и не в той плоскости, потому что пришло другое поколение. Оно ничуть не хуже, просто у них свой собственный язык. Этот язык мы должны услышать.

Есть еще одна важная вещь, которую я не успел сказать в своем докладе, о чем немного жалею. На самом деле та точка, в которой постоянно и неизбежно пересекается «долгий пласт» и «горный пласт» науки — это именно педагогика. Потому что по самой своей природе преподавание представляет собой формирование у живых людей, которые перед тобой сидят, вещей общих за счет знания вещей частных. Про этих людей, которым двадцать лет, нельзя сказать: «Пусть они знают только очень точные вещи о немногом». Им надо построить всю конструкцию здания, а не отдельный «квадратик», не то что двенадцатый этаж без одиннадцатого, шестого и пятого. Они должны видеть все здание мировой культуры и все здание мировой истории как целого.

Кифа: Или все здание традиции. В нашем институте мы стараемся достичь именно этого — жить в полноте традиции свободно.

А.Л. Расторгуев: Или все здание традиции. Это касается и вас. Вот этой свободы страшно и мучительно не хватает, но она определяется не одной институцией. Свобода есть индивидуальное для каждого человека. Как это со свободой воли происходит? Ты должен в одиночку решиться и в одиночку в этом смысле слова действовать. И мне кажется, что среди общих курсов, которые я наблюдал в последнее время на историческом факультете, безумный голод по ответственности цельного взгляда на историю куль-

туры. Почему? Потому что люди утратили марксистскую цельность (она была дурной, пародийной, но она была цельностью) а вместо нее обрели лишь «толерантность». Она же может обернуться постепенным сползанием в сторону того, что чрез мелкие феномены не только стараются забывать о целом, но и сознательно его вытесняют. Возьмите современные научные моды на Западе. На место серьезного ответственного и обладающего индивидуальным переживанием ученого, на место существующего у него чувства целого приходят заместители, фальшивые целые, некие протезы: «давайте думать о социальном аспекте», «давайте думать о гендерном аспекте» и т.д. Эти однобокие однолинейные подходы — они все более и более делают в профессиональной среде необходимым возникновение того взгляда на историю, который будет замечательно архаичным, который будет абсолютно не ко времени.

Ведь попробуйте профессионально показать, скажем, в Университете, что вся история с первого до последнего дня только и может быть осмыслена в смысле христианства, что история спасения — это камень, брошенный внутрь истории, от которого идут круги вверх, в будущее, и вниз, в прошлое, что история именно так устроена, и Вам скажут, что Вы не ко времени и не к месту. Я это делаю, правда, надеясь, что если делать это хорошо, то и ко времени и к месту.

А заговорите об этом, например, в богословском учреждении. Вам скажут, что это не предмет богословия, что в богословии должна идти речь о своем, о богословском, а не обо всем, не об истории. Но эта минимализация совершенно неправильна. Тема Бога в истории — это не место для рассуждения от-

Лоно Авраамово. Роспись в храме прп. Серафима Саровского (Даллас). Иконописец Владимира Григоренко

дельных людей, которые специально этим занимаются, это дело каждого человека, потому что это происходит с нами каждый день.

И когда мы говорим, как все это собрать, мы говорим совсем не о том, что мы хотим собрать какое-то искусственное целое. Речь идет о том, что в начале века, во времена русского религиозного ренессанса, действительно была эта возможность — стоя на очень твердом материале своей собственной науки, встать на цыпочки и посмотреть дальше. Посмотреть, как территория, тебе подвластная, сочетается с другими и как во всем этом пробивается — трагически, как всегда, — единый смысл и образ Божий в истории. Я поэтому знаменитые слова — «Если бы мне математически доказали, что истина вне Христа, то я согласился бы лучше остаться со Христом, нежели с истиной» — воспринимаю как страшное лукавство. В том-то и дело, что оставаясь со Христом — ты остаешься с Истиной.

Кифа: Я думаю, что эти слова — просто отвержение той позитивированной истины, которая царствовала в 19-м веке.

А.Л. Расторгуев: Я думаю, что тогда истина, в первую очередь научная истина, оказалась настолько по определению нехристианской, что можно было так сформулировать. Теперь очень часто оказывается ровно наоборот: не то, чтобы она была бы рада воцерковиться, но в своих последних пределах, будь то микробиология или астрофизика, она взывает как всегда, к краям бытия, а значит, к ощущению присутствия Бога. Это очень многие чувствуют, все сделалось прозрачным в этом смысле. Та же самая материя, оказывается, не существует, а существует договоренность энергий между собой, а материи как таковой, как плотной инертной тупой вещи — ее просто нет.

Кифа: Что бы Вы хотели пожелать нашим студентам и преподавателям?

А.Л. Расторгуев: Мне трудно здесь что-либо сказать, хотя я знаю многих людей, которые здесь преподают. Кто-то из моих учеников здесь учит или учится. Для меня они остаются студентами первого, второго, третьего и четвертого курса... Но все-таки я не знаю аудитории, не знаю ситуации. Своим собственным ученикам в Университете я всегда говорю три вещи, примерно одинаковые (это, наверное, касается вас в меньшей степени, может быть, у вас этого ощущения нет).

У нас исторический факультет, который когда-то был историко-филологическим, потом разделился на исторический и филологический. И я всегда говорю: «Помните родство свое, без этой второй половины, пока вы ее не найдете, никакими искусствоведскими вы не будете. Вы должны найти эту филологическую половину гуманитарного знания, т.е. по руслу разделившихся гуманитарных наук надо идти выше до точек разделения для того, чтобы обрести право судить о разных вещах». Не случайно сегодня я говорил об Аверинцеве, который высказывался преимущественно о слове, потому, что слово тоже есть образ, и искусство есть образ. Первое, таким образом — каждый собирает свое знание по частям и для этого надо идти, как золотоискателю в поисках золота, в верховье реки, и чем выше ты пройдешь, тем будет лучше.

Второе: любое гуманитарное знание — как вообще знание человеческое — представляет собой вещь чрезвычайно элитарную. Т.е. вообще говоря, чело-

век, который знает тридцать восемь языков, бесконечно элитарен, потому что даже того, кто знает тридцать семь, найти довольно трудно. Это касается и того, кто, предположим, знает шумеро-аккадское искусство или шумеро-аккадские языки и т.д., или хорошо знает латинское богословие... что угодно. Но чем отличается элитарность образования от элитарности аристократической или любой другой? Она принципиально открыта. Все двери открыты полностью, и любой, кто хочет дотянуться, может дотянуться. Никаких пределов нет, никаких препятствий. Все зависит от тебя, захочешь — выучишь и дойдешь. Но если ты, поднимаясь, закрываешь от себя нижний ярус и думаешь: «Я уже вознесся» — ты опять окажешься внизу. Потому что эту спесь: «Я достиг, и я теперь понимаю» — ее потом Господь смиряет. Нет ничего более унылого и бесплодного, чем научная гордыня. И если ты чувствуешь, что твои преподаватели и тот институт, где ты учишься, или люди, которые тебя окружают, лучше других — это не является предметом твоей гордости, это является предметом твоего смирения: значит, от тебя больше требуется. Много хороших начинаний захлебывались в уверенности, что они хорошие. Я это много раз видел в разных школах, где я преподавал. Десять-пятнадцать лет школа существует, потом уверенность ее в том, что она очень хорошая, достигает такой степени, что она уже перестает быть хорошей школой. Это такой момент, о котором надо было бы обязательно сказать.

Третье — то, о чем я уже сказал выше: любая гуманитарная дисциплина, поскольку она касается человека, находится «на краю» всех вещей, потому что человек — единственная вещь, которая принадлежит и этому и другому миру, который на самом деле — не вещь, в первую очередь. Из всех вещей он является наиболее предельной, потому, что по существу, все разрушится, из чего мир состоит, а человек — любой — не разрушится, он создан для того, чтобы двигаться дальше. И в любом человеческом действии в истории, в образном творчестве, в политике, в социальном поведении, в этике — в любом проявлении человеческого содержится компонента непосредственно личного характера и содержится компонента, которую может изучать только вера, «вертикальная» компонента, ибо все человеческое не может не иметь отношения к Богу. Нейтрального здесь не бывает. Поэтому нельзя, например, говорить о том, что существует отдельное ведомство христианской истории. Христианская история — это постижение одного из векторов, могущественнейшего, который в истории есть. Такие векторы есть везде, абсолютно во всем пространстве, связанном с человеком.

Двигаясь по горизонтали жизни, человек находит себя в состоянии, обращенном вверх, с молитвенно поднятыми руками оранта: он смотрит ввысь, и на него изливается что-то. Поэтому когда ты изучаешь все эти вещи, когда ты в них всматриваешься, необходима неустанная пробужденность и полное внимание. С тебя снята та крышка, которая тебя отделяет от верха. Ты как чайник без крышки: пар идет вверх, и все, что бурлит в тебе, всего тебя — тебя слышат и видят. Поэтому это не только предельная внимательность, это еще и предельная ответственность. Это удивительное состояние осознанного обучения, когда с каждой минутой нарастает способность человека внимать.

Беседовала Александра КОЛЫМАГИНА

Преображенское Содружество
малых православных братств

Свято-Филаретовский
православно-христианский институт

Журнал «Вестник Русского
Христианского движения»

проводят

МЕЖДУНАРОДНУЮ КОНФЕРЕНЦИЮ

СВОБОДА – ДАР ДУХА И ПРИЗВАНИЕ В ЦЕРКВИ И ОБЩЕСТВЕ

МОСКВА, 16 – 18 АВГУСТА 2006 Г.

Свобода в современном мире практически всегда понимается как главное условие нормальной жизни, что в секулярном сознании равно отсутствию явных признаков подавления. К сожалению, за пределами такой трактовки свобода уже перестает восприниматься как насущная человеческая потребность.

Хорошо известно, однако, что проблематичность свободы не исчезает, а только обостряется вследствие того, что обставленное внешней нестесненностью благополучное существование оборачивается несвободой иного свойства, когда возникает потребность наполнить пространство жизни, избавленной от внешних покушений.

Действительное насыщение может прийти только в качестве ответа на свободно и ответственно сформулированный запрос, который в свою очередь может появиться в результате свободного, т.е. ответственного экзистенциального усилия, а именно такое видение свободы всячески отторгается императивом потребления: «иметь» как принцип жизни не может не противоречить «быть».

Церковь Божья как торжество свободы была очевидной данностью первых лет христианства, но сегодня актуальнее говорить о колоссальной потребности в обновлении этого свидетельства. Христиане должны сделать различимыми признаки своего действительного освобождения от пут социальной, психологической или духовной объективации через преобразующее действие Св. Духа.

«Где Дух Господень — там свобода», и значит полнота даров бытия, подтверждаемая победа смысла над хаосом и бессельностью жизни. Церковь проживает обретенную во Христе Воскресшем свою свободу как основание жизни с избытком, бытия, исполненного творческой энергией сынов света.

Исторический долг церкви — восстановить свой подлинный облик через усилие возрождения своего бытия по дару Духа, во свидетельство о свободе как фундаменте осмысленного и вдохновенного человеческого существования, только в таком виде и способного раскрыть свою подлинную и неисчерпаемую ценность.

Нам хотелось бы, чтобы заявленная конференция прошла как максимально широкий, развернутый и предметный диалог о путях практического восстановления норм свободного и ответственного бытия.

Для обсуждения предлагаются следующие темы:

1. Свобода: миф, псевдоморфозы, реальность;
2. Свобода в опыте церковного возрождения;
3. Свобода в духовных движениях XX века;
4. Общественные свободы и свобода как дух жизни;
5. Свобода самовыражения и служение — Богу, Церкви и обществу;
6. Свобода и общинность;
7. Свобода, традиция, традиционализм;
8. Ценность культуры и свобода творчества.

Председатель Оргкомитета В.Н. Рыжиков

Заявку на участие в конференции и тезисы Вашего выступления (до 2-х страниц) просим прислать в Оргкомитет до 1 июня 2006 года. Для формирования программы пленарных и секционных заседаний и подготовки к публикации сборника трудов конференции просим представить также текст выступления (до 0,5 печатного листа) до 1 августа 2006 г. Оргкомитет оставляет за собой право отбора докладов для публикации.

Контактный адрес:
Россия, Москва, 105062, ул. Покровка, 29 — 38
Тел/fax 623-03-80, 625-77-86
e-mail: info@sfi.ru.

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ И ПУШКИН

Это выступление о. Александра Шмемана на радиостанции «Свобода» мы публикуем к дню рождения великого русского поэта

В истории русского общественного самосознания был момент как бы некоего чудесного равновесия, когда после бурь и переживаний восемнадцатого века и до трагедий и разрывов века девятнадцатого вспыхнуло пускай на короткое, но незабываемое время некое видение, некий образ России, в котором именно это равновесие было обретено. Время это — «дней Александровых прекрасное начало», по знаменитой строчке поэта. Оно продолжалось недолго и закончилось, как всем известно, сначала арачьевским гнетом, а потом — кровью, пролитой 14 декабря 1825 года на покрытой снегом Сенатской площади... Но оно было — мелькнуло и просияло, и к нему все чаще потом начал возвращаться взор русских людей, измученных разделением и борьбой, расколом, все глубже проникавшим в русское общественное сознание. И, быть может, лучшим эпосом и выразителем этого момента и этого равновесия остается в памяти России Пушкин.

Мы говорим сейчас не только о гармоничности и равновесии пушкинской поэзии, его поэтического дара. Пушкин — явление не только в истории русской литературы, но также и в истории именно русского общественного сознания. Как правильно пишет в своей прекрасной статье «Певец империи и свободы» Георгий Петрович Федотов: «Как не выкинешь слова из песни, так не выкинешь политики из жизни и песен Пушкина. Хотим ли мы этого или не хотим, но имя Пушкина остается связанным с историей русского политического сознания. <...> Его письма, его заметки, исторические темы его произведений об этом свидетельствуют. Конечно, поэт никогда не был политиком (как не был ученым-историком). Но у него был орган политического восприятия, в благороднейшем смысле слова (как и восприятия исторического)... Он никогда не был тем отрешенным жрецом красоты, каким хотел порой казаться. Он с удовольствием брался за метлу и политической эпиграммы, и журнальной критики. А главное, в нем всегда жили нравственные основы, на которых вырастает политическая совесть и политическое волнение. Во всяком случае, в его храме Аполлона было два алтаря: России и свободы... Пушкин никогда не отделил своей личности от мира, от России, от народа и государства русского. В то же время его живое нравственное сознание, хотя и подчиненное эстетическому, не позволяло принять все действительное как разумное... Но главное, поэт никогда и ни при каких обстоятельствах не мог отречься от того, что составляло основу его духа, — от свободы. Свобода и Россия — это два метафизических корня, из которых вырастает его личность. <...> Замечательно, — продолжает профессор Федотов: — как только Пушкин закрыл глаза, разрыв империи и свободы в русском сознании совершился бесповоротно. В течение целого столетия люди, которые строили или поддерживали империю, гнали свободу, а люди, боровшиеся за свободу, разрушали империю. Этого самоубийственного разлада — духа и силы — не могла выдержать монархическая государственность. Тяжкий обвал императорской России есть прежде всего следствие этого внутреннего рака, ее разедавшего. Консервативная, свободоненавистническая Россия окружала Пушкина в его последние годы; она создавала тот политический воздух, которым он дышал, в котором он порой задыхался. Свободолюбивая, но безгосударственная Россия рождается в те же тридцатые годы с кружком Герцена, с письмами Чаадаева. С весьма малой погрешностью можно утверждать: русская интеллигенция рождается в год смерти Пушкина. Вольноду-

К. Петров-Водкин. Пушкин в Петербурге. (1937 г.)

мец, бунтарь, декабрист, Пушкин ни в одно мгновение своей жизни не может быть поставлен в связь с этой замечательной исторической формацией — русской интеллигенцией. Всеми своими корнями он уходит в XVIII век, который им заканчивается. К нему самому можно приложить его любимое имя: «Сей остальной из стаи славных екатерининских орлов».

Так пишет профессор Федотов.

Но в чем же, конкретнее, состоял этот общественно-политический идеал Пушкина, идеал, распавшийся после его смерти? Хронологически, биографически на первое место следует поставить унаследованную им от XVIII века интуицию России как мощной и славной империи, любовь к той «славе», о которой мы говорили в предыдущих беседах как о содержании и вдохновении нового сознания, привитого русскому образованному обществу Петром Великим.

Не случаен, конечно, его культ Петра Великого, образ, красной нитью проходящий через всю его поэзию, всегда его вдохновляющий. Нужно ли напоминать «Полтаву» и «Медного всадника»? О «Медном всаднике» прекрасно пишет тот же Федотов: «В этой поэме империя представлена не только Петром, воплощением ее титанической воли, но и Петербургом, его созданием. Незабываемые строфы о Петербурге лучше всего дают возможность понять, что любит Пушкин в «творении Петра». ...все волшебство этой северной петербургской красоты заключается в примирении двух противоположных начал: тяжести и строя. <...> Но эта эстетическая стройность империи получает — по крайней мере, стремится получить — и свое нравственное выражение. <...> Но еще более, чем правда и милость, подвиг просвещения и культуры составляет для Пушкина, как для людей XVIII века, главный смысл империи: он «нравы укротил наукой», «он смело сеял просвещение». Преклонение Пушкина перед культурой, еще ничем не оравленным — ни славянофильскими, ни народническими, ни толстовскими сомнениями, почти непонятное в наши сумеречные дни, — не менее военной славы приковывало его к XVIII веку. <...> В своей поэзии — включая и прозаическую поэзию — Пушкин чтит в венценосях XVIII века — более в Петре, конечно, — творцов русской славы и русской культуры». Таким образом, империя, ее мощь, ее сила суть опора культуры, как культура является опорой свобо-

ды. «Петр I, — пишет Пушкин в 1922 году в «Заметках по русской истории XVIII в.», — не страшился народной свободы, неминуемого следствия просвещения».

Вдохновение империи неотделимо для Пушкина от вдохновения свободы. «Свобода», «вольность», «воля» — нет слов, которые чаще бы бросались в глаза при чтении Пушкина. Правда, эта тема свободы и вольности не сразу облекается у Пушкина в свою окончательную форму. Сначала, в юности и ранней молодости, — это вольность разума, любовных приключений, голубого пунша пирушки холостой. За этой вольностью, навеянной легкой поэзией французского XVIII века, приходит уже «вольность» наносной революционности, протест против тирании. Но и это ненадолго. «Очищение Пушкина от «роковых страстей» протекает параллельно с изживанием революционной страстности. «Прощание с морем в 1824 году не простая разлука уезжающего на север Пушкина... Это внутреннее прощание с Байроном, революцией — все еще дорогими, но уже отходящими вдаль, но уже невозможными». После декабрьского восстания несомненен поворот в нем к тому, что Вяземский называл его «свободным консерватизмом». Пушкин не отрекся от своих друзей-декабристов, по-человечески ни в чем не предал их. Но он и не пошел по их пути. Слишком долго и внимательно вглядывался он в пугачевский бунт — «бессмысленный и беспощадный», чтобы принять дух разрыва, отречения и насилия. Как опять-таки хорошо пишет Федотов о позднем пушкинском консерватизме, «в главном он связан, конечно, с «поумнением» Пушкина: с возросшим опытом, с трезвым взглядом на Россию, на ее политические возможности, на роль ее исторической власти». Личный опыт и личный ум при этом оказываются в гармонии с основным и мощным потоком русской мысли. Это течение — от Карамзина к Погодину — легко забывается нами за блестящей вспышкой либерализма 20-х годов. А между тем национально-консервативное течение было, несомненно, и более глубоким и органически выросшим. Оно являлось прежде всего реакцией на европеизм XVIII века, могущественно поддерживаемой атмосферой 1812 года. У его истоков «История Государства Российского», в завершении — русские песни Киреевского, словарь Даля, молодая русская этнография николаевских лет. «Народность» не была только официальным лозунгом гр. Уварова. Она удовлетворяла глубокой национальной потребности общества. И Пушкин принял участие в творческом изучении русской народности, как собиратель народных песен, как создатель «Бориса Годунова» и «Русалки».

Таким образом, свобода для Пушкина в его последние, зрелые годы — это не романтическая революционная лихорадка, не темная стихия бунта, а — сочетание имперского, национального, гражданского и личного. Это свобода творчества и культуры, это, таким образом, прежде всего — свобода слова, но слова творческого и подлинного, это объективность и святость закона, это — в последнем итоге — свобода духа. «Беда стране, где раб и льстец одни приближены к престолу». Беда власти, только рабства и лести требующей. В глазах власти Пушкин оставался «под подозрением», но в своем творчестве этот синтез — империи и свободы — он нашел и ему оставался верным «без лести, без рабства». Он знал, что при своей глубоко продуманной, глубоко пережитой верности империи он в свой жестокий век восславил свободу и служил ей по-настоящему.

Как правильно пишет Федотов, «Никогда сознательно Пушкин не переходил в стан врагов свободы и не становился певцом реакции... С именем свободы на устах Пушкин и умер: политической свободы в своем «Памятнике», духовной в стихах к жене о «покое и воле». Пусть чаемый им синтез империи и свободы не осуществился... пусть Российская империя погибла, не решив этой пушкинской задачи. Она стоит и перед нами, как перед всеми будущими поколениями, теперь еще более трудная, чем когда-либо, но непреложная, неотвратимая. Россия не будет жить, если не исполнит заветы своего поэта, если не одухотворит тяжесть своей вновь воздвигаемой империи крылатой свободой».

Редакция благодарит Елену ДОРМАН, предоставившую для публикации этот материал, никогда ранее не публиковавшийся в печатных изданиях

Дорогие читатели!

Начинается подписка на газету «Кифа» на второе полугодие (подробности на сайте: www.gazetakifa.ru)

Нашу газету можно приобрести в США и Канаде (подробности на сайте: www.xrusicmos.org/kifa)

Нашу газету можно приобрести:

В Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д.29, оф.38); в центре религиозной литературы ВГБИЛ им. Рудомино (ул. Ни-

колаямская, д.6); в книжном киоске первого гумфака МГУ; в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, 9); в Париже: в магазине «YMCA-Press» (11, Rue de la Montagne Ste Genevieve).

Телефоны распространителей:

Москва: (495) 314-2596 (Александра Ошарина), 131-4769 (Ольга Филиппова), 210-7006 (Ольга Орлова), 158-9116 (Валерия Волкова), 342-6306 (Марина Чиркова)

Санкт-Петербург: 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная); **Тверь:** 8-4822-50-2308 (Олег Ермолаев); **Архангельск:** 8-921-299-4978 (Андрей Подоров); **Северодвинск:** 8-921-299-7687 (Нина Портнова)

Редакторы:

Александр Буров (СПб)
Александра Колымагина (Москва)

Над номером работали:

Владимир Лидский
Дмитрий Матвеев
Светлана Бурдаева

Алла Федякова
Анастасия Наконечная
Елена Шевелева

Иллюстратор: Татьяна Аразян

Дизайн: Андрей Мареев
Верстка: Татьяна Тыртыш
Анна Лелехина

Тел./факс: (495) 623-03-80

e-mail: kifa@list.ru
Сайт: www.gazetakifa.ru
Тираж 1300 экз.

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-14924 от 26 марта 2003 г.